

ДИСКУССИЯ О СОВЕТИЗАЦИИ КАЗАХСКОГО АУЛА 1946–47 годов*

Национальная история Казахстана в 1940-е гг. оказалась в центре внимания как историков, так и идеологов. В значительной степени она стала индикатором состояния изучения прошлого национальных республик. Несколько подзабытой страницей советской историографии стала дискуссия, прошедшая в 1946–1948 гг., о советизации казахского аула в 1920-е гг.¹ В ней, как в зеркале, отразилось состояние исторической науки того времени, в которой тесно переплетались советская идеологическая культура, столкновение карьерных и творческих амбиций, причем не только историков, но и местной партийной элиты.

Поводом для полемики стала статья известного историка Андрея Павловича Кучкина² «Советизация казахского аула (1926–1929)», опубликованная в журнале «Вопросы истории» (1946. № 10). Работа была написана на злободневную тему и не все члены редколлегии считали нужным ее публиковать. Один из них, И.И. Минц, уже в ходе последующей дискуссии признавал, что «был в числе тех товарищей, которые настаивали на помещении статьи т. Кучкина в журнале, – были товарищи, которые с этим не соглашались»³. Очевидно, редколлегия понимала, что публикация может вызвать серьезный резонанс, в том числе и негативный.

В этой статье Кучкин, показывая процесс утверждения советской власти в казахском ауле, доказывал, что аул вплоть до 1929 г., несмотря на приход советской власти, оставался под

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых (проект № МК-2627.2013.6).

контролем местных баев, выбранных в местные советы их односельчанами. Кучкин подчеркивал отсталость сельского населения среднеазиатских «братских республик» по сравнению с русскими и украинскими деревнями. Статья, как и положено, заканчивалась на мажорной ноте: «Казахский народ при беззаветной братской помощи великого русского народа и под руководством партии большевиков, под руководством великого Сталина перешагивал через самую мучительную ступень общественного развития – через капитализм – и из полупатриархальщины и полуфеодализма вступал в социалистическое общество»⁴. Несмотря на это, концепция автора показывала всю сложность утверждения большевизма в Средней Азии и ставил под сомнение синхронность развития советской власти в Казахстане и РСФСР. Это задевало местную научную и партийную элиту, которая стремилась максимально продемонстрировать свою эффективность в деле укрепления власти партии. Нарушало это и советский историографический канон, по которому советы – это орудие большевизма. Отнюдь не удивительно, что статья вызвала резкую критику представителей Казахстана. Так, на первой научной сессии Института истории Казахской АН, прошедшей в июне 1947 г. в Алма-Ата, с докладом, направленным против Кучкина, выступил казахский историк А.Б. Турсунбаев⁵.

Вскоре в редакцию журнала «Вопросы истории» поступила разгромная рецензия на статью А.П. Кучкина Жемчуева (инициалы неизвестны) «К вопросу советизации казахского аула (1926–1929 гг.) (О статье тов. Кучкина)». Машинопись рецензии сохранилась в научном архиве Института российской истории РАН. Что особенно ценно, на рукописи остались пометы, принадлежащие А.П. Кучкину и позволяющие прояснить его первичную реакцию на нее.

Жемчуев сходу ввел спор в контекст идеологической кампании, связанной с журналами «Звезда» и «Ленинград», заявив, что «наши журналы не могут быть аполитичны»⁶. Тем самым делался упрек в сторону «Вопросов истории», не проявивших политической бдительности. Кучкин, по мнению Жемчуева, «допустил грубые политические ошибки». Poleмика перево-

дилась из научной в идеологическую плоскость. Причем, «ошибочные оценки тов. Кучкина касаются таким коренных вопросов историографии советского Казахстана, как закономерность Октябрьской социалистической революции в казахской степи, социальной базы советской власти в ауле в первые годы ее существования и самоопределения казахского аула»⁷. Статья Кучкина была расценена как проявление всех мыслимых «вражеских концепций»: буржуазно-националистических и троцкистских.

Какие же конкретные претензии возникли у Жемчуева к работе Кучкина? Во-первых, автору не понравилось утверждение о том, что социально-экономические отношения в ауле не были сразу затронуты революцией, в нем не наблюдалась острая классовая борьба. На этом утверждении Кучкин оставил помету: «Оборвал цитату». Во-вторых, рецензент процитировал: «Фактически, единственной властью в ауле был бай...». Вновь помета: «Не везде». В-третьих, неприятие вызвало и такое положение: «Коммунистическая партия и центральные органы советской власти в то время не могли еще добраться до аула». Наконец, в-четвертых, Жемчуев ухватился за фразу Кучкина о том, что перевыборы советов в 1928–29 гг. привели к победе коммунистической партии и казахский народ самоопределился в самостоятельную и независимую нацию. «Следовательно, по прямому смыслу этого утверждения тов. Кучкина окончательное самоопределение казахского народа относится к 1929 г.»⁸. Из всего этого делались далеко идущие выводы: «Для каждого вдумчивого читателя ясно, что мы имеем дело не с отдельными разрозненными ошибочными оценками, а с целой концепцией, которая помимо воли ее автора, в корне извращает весь ход событий в Казахстане после победы ВОСР [Великой Октябрьской социалистической революции – *В.Т.*]... Эта концепция по сути дела отрицает закономерность Октября в казахской степи»⁹.

В противовес работе Кучкина Жемчуев предложил концепцию поступательного движения Казахстана на пути к коммунизму. Со ссылкой на Сталина он утверждал: «Национально-освободительное движение казахского народа, начатое в 1916

году, наглядно показало, что Казахстан, как колониальная страна, превратилась из резерва империалистической буржуазии в резерв революционного пролетариата, в союзника последнего»¹⁰. Более того, уже во время восстания 1916 г. наблюдался союз пролетариата с населением аула. Такое заявление отвергало даже мысль о классовой незрелости казахского аула. Следуя идеологеме «дружбы народов»¹¹, Жемчуев писал, что «под руководством партии, при прямой и непосредственной помощи великого русского народа, трудящиеся аула с первых же дней советской власти в Казахстане вели упорную и успешную борьбу с баями-полуфеодалами по ликвидации патриархально-феодальных отношений в ауле и строительству советской власти в степи»¹². Рецензент признавал, что строительству нового строя мешала общая отсталость края, но подчеркивал острую классовую борьбу, направленную против баев.

Жемчуев, доказывая свою правоту, ссылаясь на Ленина и Сталина, не забывая упрекать своего оппонента в отходе от их высказываний. Кучкин был обвинен в «голощекинщине», получившей название по фамилии первого секретаря Казахстанского крайкома, Ф.И. Голощекина, которого сняли в 1933 г. за «великодержавный шовинизм»¹³. Заявления Голощекина, действительно, совпадали с некоторыми выводами Кучкина. В частности, первый говорил, что Октябрь миновал казахский аул¹⁴. Прозвучал попрек и в недостаточной для окончательных выводов источниковой базе. А в заключении был использован безошибочный в годы кампании за «дружбу народов» полемический прием: «Более того, тов. Кучкин совершенно игнорирует глубокие исторические корни дружбы казахского народа с великим русским народом и с другими народами Советского Союза»¹⁵. Судя по дате внизу текста, отзыв был завершён 10 сентября 1947 г., то есть спустя год после публикации статьи Кучкина. Это может свидетельствовать, что негативная реакция возникла либо не сразу, либо ответ тщательно готовился.

Кучкин, человек эмоциональный и увлекающийся, читал рукопись с нескрываемым возмущением. Об этом свидетельствуют следующие маргиналии на полях: «Спасибо за поучение», «О, талантливый толкователь!», «Выдумка!» и «Подлог».

Кучкин был опытным бойцом «исторического фронта», поэтому в совершенстве владел исторической полемикой «по-большевистски». Он решил не затягивать с выпадом и в ответе дал волю эмоциям. Судя по помете в конце рукописи, Кучкина закончил ее 25 сентября 1947 г.

Начало было ехидным и грубоватым, в стиле старых большевиков, к которым и принадлежал Кучкин. Оценивая обвинения своего оппонента, он привел цитату из Энгельса: «“Каждое слово – ночной горшок, и при том не пустой”... Нагромождено этих обвинений так много только потому, чтобы скрыть суть вопроса, спрятать его за “ночные горшки”, обойти его многословием и в конце концов увильнуть от ответа на него»¹⁶. Далее он обрушился с контраргументами. Он утверждал, что не мог ошибиться, поскольку отталкивался от партийных документов. Жемчуев же так и не привел весомых доказательств в подкреплении своих положений. Кучкин подчеркнул, что остается на своих прежних позициях. Желая сыграть на национальных нотах, он писал: «Но некоторые казахские историки... пытаются изобразить казахский аул более развитым и революционным, чем русская деревня»¹⁷. Это уже выглядело как националистический уклон и рассматривалось как прямое обвинение. Наконец, Кучкин открыто указал на то, что в среде казахских историков у него много влиятельных недоброжелателей, не согласных с его концепцией: «В своем утверждении о наличии в ауле острой классовой борьбы и подлинной советской власти т. Жемчуев не одинок. За его спиной стоит ряд еще нескольких историков (да и не только историков), не согласных с сутью коренного вопроса в моей статье. Среди них есть фигуры покрупнее т. Жемчуева. Но они занял пока что выжидательную позицию. Они – в резерве. Жемчуев – разведка. На ратный подвиг он воодушевлен ими»¹⁸. Такое заявление превращало пусть и не рядовую, но все же полемику в столкновение столичных и национальных историков, а это уже являлось крупным общесоюзным скандалом.

Для разрешения спора было собрано специальное заседание сектора Истории советского общества, которое прошло в три дня в начале 1948 г.: 29 января, 14 и 17 февраля. Заседание вел

руководитель сектора и мастер компромиссов академик И.И. Минц – фигура как нельзя лучше подходящая для разрешения щекотливой ситуации.

На заседании 29 января, как и положено, первым дали слово Кучкину. Он описал историю полемики. Рассказал о том, какое сопротивление вызвали его идеи у некоторых казахских историков. Следом выступила сотрудница Института истории С.И. Якубовская, которая, признав концептуальный характер статьи и ее широкую фактическую базу, заявила, что автор сбивается на теорию «двухпоточности»: «Фактически т. Кучкин утверждает: что в то время, когда во всем Советском Союзе произошла социалистическая революция, в Казахстане произошла буржуазно-демократическая революция»¹⁹. Объяснение этому выступавшая находит в увлечении Кучкиным спецификой Казахстана и упущением общих закономерностей. Она высказалась категорически против мнения о том, что казахские советы в аулах не были органами диктатуры пролетариата. Объяснялось это все тем же: «Когда мы отрицаем диктатуру пролетариата во всем Казахстане, совершенно естественно получается, что центральная власть была искусственной надстройкой, которая опиралась на контрреволюционную местную власть... Выходит, что советы Казахстана выпадают из общей советской системы всего Советского Союза»²⁰. Впрочем, Якубовская согласилась с Кучкиным относительно слабости классовой борьбы.

От казахских историков выступил Б. Сулейманов²¹. Он являлся выпускником Московского государственного педагогического института им. К. Либкнехта, а значит был в курсе особенностей столичных нравов и местного расклада сил, слыл хорошим полемистом. Поэтому отнюдь не случайно, что его выбрали представлять «казахскую» точку зрения. Он возмущился намекам Кучкина на вмешательство «казахского национализма» в дискуссию: «При этом А.П. причисляет к буржуазным националистам людей, которые родились после Октябрьской революции и носят в своих карманах членские билеты коммунистической партии»²². Для дискредитации оппонента он использовал беспроектный в то время прием, он апеллировал

к лозунгам дружбы народов. Следующее его высказывание заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью: «Нужно открыть дружную, объективную, научную дискуссию по традиции русских ученых. На третьей странице у вас встречается: «Мы, русские ученые», а мы – не русские ученые что ли? Мы – советские ученые. Я тоже русский ученый. Я воспитывался здесь, например. Этот прием категорически должен быть осужден нашей научной общественностью»²³. Фраза «Я тоже русский ученый» показательна. Играя на тонких струнах национального вопроса и новой советской идентичности, где русский – значит первый среди равных, но в идеале «русскими» могут стать все, потому что «русский» и «советский» – слова синонимы, Сулейманов отменил все обвинения в казахском национализме, показал преданность политике дружбы народов. Его заявления были поддержаны возгласами с мест: «Правильно!». Он обвинил Кучкина в том, что его «тянет то к троцкизму, то к великодержавному шовинизму»²⁴. Себя Сулейманов представил в качестве борца за научную истину, борца против крайностей в решении важного вопроса. Он признал, что процессы, проходившие в русской деревне, были заметно интенсивнее, чем в казахском ауле, но это отнюдь не значит, что в нем не было классовой борьбы. В заключение очередной реверанс в сторону русского народа: «Русская деревня является образцом в отношении создания и укрепления советской власти»²⁵.

Следующее заседание состоялось 14 февраля. Противники Кучкина усилились местной партийной элитой: начальником Архивного управления МВД Казахской ССР Н.Н. Федоровым и сотрудником Архивного управления Ш.Я. Шафиро. Надо помнить, что архивы в то время находились в ведении МВД, поэтому появление чиновников такого ранга свидетельствовало об особом внимании к дискуссии со стороны партийных структур Казахской ССР.

Федоров озвучил главные мотивы беспокойства идеологически неверными выводами Кучкина: «При таком анализе получается, что созданная в 1920 году национальная казахская советская государственность по крайней мере в течении пяти лет своего существования как бы висела в воздухе, т.к. она не

имела, согласно рассуждениям т. Кучкина, никакой социальной опоры в ауле и являлась как бы искусственным насаждением»²⁶.

По мнению представителей МВД, концепция Кучкина противоречила положению о том, что методы и принципы советской власти носят универсальный характер и могут применяться как к высокоразвитым народам (естественно, подразумевались русские и украинцы), так и к менее развитым, в частности казахам. Шафиро этот лозунг объявил «закономерностью», открытой Лениным и Сталиным, и поэтому не подвергающейся сомнению.

Очевидно, что локальная дискуссия невольно затронула геополитические амбиции советского руководства. Дело в том, что послевоенная реальность позволяла рассчитывать на быстрое распространение коммунистических идей по всему миру. Особая ставка делалась на постколониальные, азиатские страны. И в этой связи казахский аул представлялся своеобразным полигоном, на котором были опробованы методы скачка из феодализма в социализм. Выводы Кучкина ставили под сомнение эффективность и легкость насаждения советской власти, а, значит, можно было сделать далеко идущие выводы, подрывали оптимистический дискурс планов по мировому построению социализма.

В заключении выступили казахские историки А.Б. Турсунбаев и Е.Б. Бекмаханов. Первый не сказал ничего нового, повторив свои контраргументы и обвинения по отношению к теории Кучкина. А вот второй принял сторону Кучкина. Е.Б. Бекмаханов²⁷ – выдающийся казахский историк – был тесно связан со столичными научно-историческими кругами, находился в докторантуре Института истории АН СССР и поддерживал хорошие отношения с Кучкиным. Он назвал обвинения «тенденциозными» и показал ошибки как одних, так и других²⁸.

17 февраля прения продолжились. Выступил сотрудник сектора истории советского общества А.М. Гуревич и призвал помочь Кучкину «конкретной критикой, а не охаиванием»²⁹. Он заявил, что его позиция «гораздо ближе к истине, чем т. Жемчуева, но нуждается в уточнениях и исправлениях»³⁰.

Наконец, очередь дошла и до Жемчуева. Автор отзыва сразу же занял позу оскорбленного, особенно его возмутила фраза про «ночные горшки». Он обвинил Кучкина в схематизме, отрыве от реальности и вопрошал: «Неужели допустимо такое явление, что партия и советская власть в продолжение с 1920 по 1928 г. не могла пробудить это сознание. С таким положением никак согласиться нельзя. Если партия находила пути проникновения в аулы в условиях царского самодержавия, то с такой мыслью я согласиться не могу, что в условиях советской власти не доходила»³¹. В заключение он резко бросил: «Это – не полемика, а черт знает что, извините меня за резкое выражение»³².

Еще один сотрудник Института истории Р.М. Раимов солидизировался с Гуревичем в оценке статьи Кучкина и отзыва на нее. Но он предостерег от приуменьшения роли Октябрьской революции. Показателен и упрек в фетишизации документов крайкома, брошенный Раимовым в сторону Кучкина. По его мнению, нельзя с доверием к ним относиться, поскольку они связаны с Голощекиным, объявленным «врагом народа»³³. Мнение об односторонности источников поддержала и П.Н. Шарова.

Заключительное слово предоставили Кучкину. Он согласился с рядом противоречивых положений и нечетких формулировок в своей статье, обещал их исправить. Обязался уменьшить мрачных красок в описании становления советской власти в аулах. Но от своей концепции он не отказался.

Итоги заседания подвел председатель И.И. Минц. Со свойственной ему иронией он начал с признания нечеткости позиций обеих сторон: «Первый недостаток это – забвение одной простой истины, а именно: в обильном словопрении истина тонет. К сожалению, у нас столько было сказано лишнего, не имеющего прямого отношения к делу, что часто терялась нить разногласий. Иногда я начинал путать – кто сторонник Кучкина, кто его противник»³⁴. Он призвал поумерить пыл и эмоции, перевести дискуссию в более спокойное русло: «Второй недостаток... состоял в обилии громких, как тут выражались, «крылатых» слов... Некоторые товарищи славно воспользовались случаем, чтобы отвести душу и начали ставить «восклицательные» знаки где надо и где не надо»³⁵. Минц признал, что

критики правильно нащупал слабые места статьи Кучкина. Он указал: «...У Андрея Павловича имеются две или три неудачные формулировки: что Октябрьская революция в казахском ауле почти ничего не сделала, что не было острой классовой борьбы в ауле – не в этом только дело... Дело в том, что нельзя написать статью о советизации аула, т.е. о периоде 1926–1929 гг., и не подчеркнуть, что весь предварительный этап, этап партии подводил к этому. Это крупнейший недостаток статьи»³⁶. Категорически Минц не согласился с тем, что в Казахстане, как думал Кучкин, только в 1929 г. произошло окончательное национальное самоопределение. Это нарушало синхронность развития республик СССР, выделяло эту республику из поступательных процессов утверждения нового общества. В конце он высказал свое мнение о целесообразности публикации письма Жемчуева и ответа на него Кучкина: «Я уже сказал, что я против помещения этих статей. В том виде, в каком они написаны, – и статья тов. Кучкина, и ответная статья тов. Жемчуева, – неприемлемы... В них тоне то, что является предметом спора»³⁷. Свет они так и не увидели.

Отчет о заседании был опубликован в «Вопросах истории»³⁸. В целом он повторяет приведенную выше стенограмму, смысл выступлений передан достаточно точно. Впрочем, отчет не отразил всех нюансов и скандальности обсуждения. Естественно, что пререканиям по поводу «ночных горшков» места в нем не нашлось. Любопытен и еще один нюанс: в отчете не указывается инициалов Жемчуева, в время как остальные участники дискуссии, в том числе и с казахской стороны, их имеют. Очевидно, что автор не смог раздобыть нужную информацию. Это свидетельствует о положении в научной иерархии Жемчуева, его малой известности. Видимо, его использовали в роли «маленького человека», бдительно выступающего против столичных авторитетов, представляющего как глаз рядового казахского историка³⁹.

Эхо дискуссии разносилось еще достаточно долго. Так, в 1949 г. в докладных записках на имя М.А. Суслова сообщалось, что статья Кучкина умаляет значение Октябрьской революции и предлагалось собрать совместное совещание русских и

казахских историков для обсуждения в том числе и его концепции⁴⁰.

В конце заметим, что отношения Кучкина с казахскими историками и дальше не отличались особой теплотой. Когда в 1959 г. в Алма-Ате вышла «История Казахской ССР. Эпоха социализма», то он написал критическую рецензию⁴¹. В ответ группа казахских историков написала открытое письмо, которое опять привело к полемике⁴². Причем проблема советизации аула вновь оказалась в центре внимания⁴³.

Итак, дискуссия о советизации аула обнажила многие явления советской исторической науки второй половины 40-х гг. Во-первых, остроту истории национальных республик. Идеологическая перестройка, шедшая в этом вопросе еще с 30-х гг. и усиливающаяся как раз с середины 40-х гг., уже дала свои результаты, но оставалось множество вопросов, вызывавших различные толкования. Во-вторых, столкновение национальных (казахских) историков и столичных происходило при заметном участии «казахской» партийной элиты, которая была заинтересована в позитивном имидже республики, в том числе и в историческом ракурсе. Это еще раз свидетельствует о том, что история являлась важным ресурсом в партийных интригах, пусть в данном случае это и не имело далеко идущих последствий.

¹ Краткие упоминания о ней: Дахшлейгер Г.Ф. Историографии советского Казахстана (Очерк). Алма-Ата, 1969. – С. 119–120.

² О нем см.: Садырина Е.С. Андрей Кучкин (1888–1973). Киров, 1982; Кучкина О.А. О моем отце // История и историки: историографический вестник, 2005. – М., 2006. – С. 252–268.

³ НА ИРИ РАН. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 455. – Л. 73–74.

⁴ Кучкин А. Советизация казахского аула (1926–1929 гг.) // Вопросы истории, 1946. – № 10. – С. 23.

⁵ НА ИРИ РАН. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 454. – Л. 139; Турсунбаев А.Б. К вопросу о советизации казахского аула // Известия АН Казахской ССР. Серия историческая, 1948. – Вып. 4. – С.

⁶ НА ИРИ РАН. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 455. – Л. 98.

⁷ Там же. – Л. 98 об.

⁸ Там же. – Л. 99 об.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. – Л. 102.

¹¹ См. подробнее: Tillet L. The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. New York, 1969; Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009; Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. – М., 2011. – С. 593–631 и др.

¹² НА ИРИ РАН. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 455. – Л. 102 об.

¹³ Мартин Т. Указ. соч. – С. 486.

¹⁴ Кадысова Р.Ж. Советская модернизация Казахстана (1917–1940 гг.): историография проблемы. Алматы, 2004. – С. 40.

¹⁵ НА ИРИ РАН. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 455. – Л. 118.

¹⁶ Там же. – Л. 120–122.

¹⁷ Там же. – Л. 140.

¹⁸ Там же. – Л. 139.

¹⁹ Там же. – Л. 31.

²⁰ Там же. – Л. 34.

²¹ О нем. см.: Асылбек М.-А. Х. Судьба и научное наследие казахского историка (к столетию Бегежана Сулейменова) // <http://www.iie.kz/developments/1/150.jsp> (дата обращения – 30.06.2013).

²² НА ИРИ РАН. – Оп. 1. – Д. 454. – Л. 43–44.

²³ Там же. – Л. 43.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. – Л. 50.

²⁶ Там же. – Л. 58.

²⁷ См.: Воспоминания о Ермухане Бекмаханове. Алматы, 2005; Сарсеке М. Бекмаханов. М., 2010 и др.

²⁸ НА ИРИ РАН. – Оп. 1. – Д. 454. – Л. 135.

²⁹ Там же. – Д. 455. – Л. 7.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. – Л. 27.

³² Там же. – Л. 29.

³³ Там же. – Л. 36.

³⁴ Там же. – Л. 72.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. – Л. 74–75.

³⁷ Там же. – Л. 81–82.

³⁸ Зомбе Е. В секторе истории советского общества Института истории Академии наук СССР // Вопросы истории, 1948. – № 6. – С. 144–150.

³⁹ Подробнее о феномене «маленького человека» в советской исторической науке см.: Тихонов В.В. Как «маленькие люди» делали большую историю: феномен «маленького человека» и его роль в послевоенных идеологических кампаниях в советской исторической науке // История и историки: историографический ежегодник за 2011–2012 гг. М., 2013 (в печати).

⁴⁰ Докладная записка Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) секретарю ЦК ВКП (б) М.А. Суслову о спорных вопросах в освещении истории народов Средней Азии // Советская национальная политика: идеология и практики 1945–1953. М., 2013. С. 199–205.

⁴¹ Кучкин А.П. Рец. на кн.: История казахской ССР. Эпоха социализма» (Алма-Ата, 1959) // История СССР, 1960. – № 4.

⁴² См. Письмо казахских историков // История СССР, 1962. – № 2; Ответ А.П. Кучкина // Там же.

⁴³ Дахшлейгер Г.Ф. Указ. соч. – С. 121–122.